

О Т З Ы В

официального оппонента о диссертации Набиуллиной Гульнур Мирзаевны «Исламская аксиология в башкирской прозе второй половины XX – начала XXI веков» (Пермь, 2024), представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации (филологические науки)

Литература, как известно, представляет собой особым образом организованную систему, которая на образно-художественном языке воплощает определенный набор ценностей как эстетического, так и духовно-нравственного порядка. Изучение того, как эти ценности осваиваются в ней и транслируются ею, остается в числе приоритетных задач современной отечественной гуманитаристики. В этом плане тема диссертации является вполне а к т у а л ь н о й, своевременной; возражений эта тема у нас не вызывает.

Автор диссертации поставил своей ц е л ь ю понять, как осмыслялась в башкирской прозе конца XX – начала XXI века мусульманская религиозная аксиология. Этот вопрос требует рассмотрения не только потому, что религиозное сознание вообще составляет ядро всякой культуры, определяя – порой в режиме бессознательных импульсов – модель национально-культурного поведения (из хрестоматийного достаточно вспомнить Макса Вебера, который писал, что дух европейского предпринимательства имеет основанием протестантскую этику и что пуританская концепция рая на земле, создаваемого честным, благочестивым трудом, направляла европейскую цивилизацию в сторону комфорта и преуспевания в этой жизни, а не в загробном царстве). Для современного башкирского литературоведения этот вопрос важен и по той причине, что помогает проанализировать процесс литературной адаптации религиозных идей и сюжетов в постсоветское время, на тектоническом разломе двух эпох, когда, с одной стороны, шло преодоление атеистической картины мира (советского мировоззренческого наследия) и возвращение к традиционным духовным истокам, а с другой – возник кризис традиционализма в связи с развитием информационных технологий, ускоренным темпом жизни, доминированием материальных установок над морально-духовными (ср. понятие «успешного человека» сегодня, в наши дни – «self-made man», человека, который «сделал себя сам», достиг достатка и положения вопреки ограничениям совести, вышедшим далеко за пределы этического, в сферу полной свободы от «внутренней натуры»).

Этой основополагающей цели соответствует структура исследования.

Работа состоит из введения, пяти глав (с параграфами внутри), заключения, библиографического списка, насчитывающего значительное количество книжно-журнальных источников и интернет-ресурсов (всего – свыше 400 позиций).

Структура вводной части работы стандартна, в ней присутствуют все необходимые пункты и положения.

Автор сосредотачивает свое внимание на таких терминах, как «аксиология», «ценностный подход», указывая, в частности, на то, что активно ценностное учение развивал еще М.М. Бахтин (стр. 4). В пункте «Степень разработанности проблемы» даны имена авторов статей и монографий, занимавшихся разработкой темы религиозной аксиологии в башкирской литературе. Отрадно, что диссертантка не просто перечисляет имена исследователей, а раскрывает своеобразие подхода каждого из них к изучению темы, демонстрирует специфику решения проблемы. Завершая обзор этого пункта, автор лаконично отмечает, что относительно современной башкирской прозы «данный вопрос в монографическом плане не ставился» (стр. 13). В пункте «Объект и следованья» ясно сказано, о каких конкретных произведениях башкирской литературы идет речь в диссертации. Автор, как можно понять, использовал принцип избирательности, то есть брал ранее не изученные произведения башкирских писателей, отражающих религиозные идеи в художественном плане, чем определяется научная новизна работы. Пункт о теоретико-методологических основах диссертации содержит внушительный список имен от М.М. Бахтина до Р.Л. Саяхова (стр. 14–15). Диссертантка при этом четко объясняет, какие методы и приемы были взяты на вооружение в первую очередь (биографический, герменевтический, мотивный). Детально разъяснена теоретическая значимость проведенного исследования, отмечена его практическая ценность, охарактеризованы основные положения, выносимые на защиту. Пункт об апробации работы включает необходимый перечень международных конференций, в которых приняла участие диссертантка, а также монографию по теме исследования, публикации в международных и российских научных рецензируемых изданиях.

Первая глава диссертации «Башкирская литература и исламская аксиология: методологические аспекты» посвящена формам отражения мусульманской аксиологии в башкирской литературе.

Автор пишет о том, какое влияние оказала арабо-мусульманская культура на становление и развитие башкирской словесности. С фактографической тщательностью здесь прослеживаются этапы рецепции исламской культуры в сочинениях тюркских и башкирских писателей (первый параграф этой главы).

Останавливается автор и на описании научной литературы по проблеме диссертации, характеризуя периоды изучения темы, начиная с 1920-х годов (второй параграф главы). Диссертантка тут оперирует понятием аксиологического аспекта истории и культуры. По ее мнению, мусульманская аксиология базируется на нескольких опорных точках: вера («иман»), преданность («ислам»), искренность («ихсан»). Разделяя взгляды А.Н. Семенова, диссертантка пишет о том, что «взгляд на мир через призму религиозной аксиологии оказывает плодотворное влияние на процесс создания художественных ценностей» (стр. 44), что в современном литературоведении ценностный аспект продолжает оставаться недостаточно изученным и поэтому перспективным, что «ценность» – это объективно-субъективная категория (она, с одной стороны, задается культурной средой, с другой – определяется тем, в какой мере то или иное сознание способно ее

воспринять во всей глубине и многомерности). Для башкирского литературоведения, свидетельствует автор, мусульманские ценностные представления получили особенное развитие с середины 1990-х годов, когда были введены в оборот такие понятия, как «традиции суфизма», «святые места ислама», «мистическая теософия», «религиозный аскетизм» (стр. 47). Этот период рудиментарно сохранял инерцию советской системы оценивания религиозного прошлого, но все же доминирующая тенденция была связана с попыткой найти новый язык в рассмотрении явлений религиозно-литературного синтеза.

Третий параграф главы носит несколько описательный и компилятивный характер. Автор в нем дает обзор фольклорных образов башкирской культуры (они нашли свое отражение в литературном сознании башкирских писателей): так, охарактеризованы многочисленные народные суеверия башкир, образы святых людей в каноническом изображении, главные сакральные хронотопы башкирской дописьменной словесности – все это формы адаптации мусульманской культуры в башкирской среде, которые нужно трактовать в качестве своеобразных локусов встречи исламских миропредставлений, пришедших из Ближнего Востока и Передней Азии, и местного, национального башкирского мировоззрения, тесно переплетенного с общетюркскими воззрениями. В религиозноведческой литературе за таким интересным феноменом давно закрепился термин «народный ислам», и, пожалуй, было бы правильно, если бы автор его в данном параграфе обоснованно употребил. Это тем более важно, что диссертантка ссылается на собственный опыт полевых исследований, когда отмечает, что в селах, расположенных недалеко от озера Асли-куль (видимо, в Давлекановском районе Республики Башкортостан) башкиры имели обыкновение носить мусульманские молитвенные книжки, зашитые в одежду, и это служило основанием толковать их как обереги от злых сил и болезней (стр. 67). Возможно, было бы уместно в этой части дать ссылку на книгу «Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального», написанную коллективом авторов (А.Г. Селезнев, И.А. Селезнева, И.В. Белич) и опубликованную в Москве издательским домом Шигабутдина Марджани в 2009 году. В ней приводятся многочисленные примеры освоения исламской аксиологии в среде татар Западной Сибири (территориально близко к ареалу башкирского расселения в Урале), в их числе такой: листы или даже их лоскутки с молитвенными заговорами на арабском языке, так называемые книжки, татары носили на груди, помещали в могилу, отдельные информаторы рассказывали об изредка встречавшемся у татар ритуале поедания кусочков бумаги с сакральным текстом для духовного очищения, «катарсиса» (стр. 35 названной книги). На стр. 68 диссертантка проводит мотивные параллели между башкирским и бурятским (монгольским) эпическими преданиями; общетюркский контекст, пожалуй, выглядел бы логичнее. Один из выводов этого параграфа – подчеркивание сосуществования мусульманской и языческой обрядовой практики у башкир на первых этапах распространения ислама в Среднем Поволжье и Урале (стр. 73). Параграф удачно сочетает литературоведческий анализ с историко-культурным обзором, перед нами – не простой список исторических

событий и фактов, а их сводка с последующим разбором художественных произведений как способом истолкования прошлого с его религиозно-мифологическим компонентом. Встречаются, правда, в параграфе неудачные в стилистическом смысле формулировки. На стр. 79 написано: «Через демонологические силы раскрывается мощь религии, помогающая героям... противостоять в битве с темными силами». Понятно, что демонология и есть учение о темном начале и что автор имел в виду борьбу светлых, гармоничных сил разумного космоса с разрушительными, злыми, хаотичными первоэлементами.

В т о р а я г л а в а диссертации «Духовно-эстетическая основа башкирской прозы второй половины XX века» содержит результаты изучения башкирской прозы второй половины XX века сквозь призму духовных и эстетических ценностей, нашедших в ней свое воплощение.

Глава включает обзор произведений башкирской литературы, посвященной Великой Отечественной войне, автором дается тематико-идейная классификация башкирских текстов, включены также элементы сюжетологического анализа. Первый параграф изобилует названиями литературных произведений, и хотелось бы узнать, переведены ли эти тексты башкирской словесности советского периода на русский язык и языки народов бывшего СССР (в библиографии мы этой информации не нашли...). Мы отметили бы излишне публицистический пафос отдельных фрагментов разбора литературных источников, связанных с военной тематикой. Некоторые отрывки напоминают газетные материалы советского агитпропа; ср. на стр. 84: «... боевой дух работников тыла, братская дружба и героическое прошлое народов многонациональной страны, вера в несокрушимую силу Родины, ненависть к врагам были обобщены в конкретных образах». Их, как нам кажется, можно использовать, но в сочинениях другой жанровой природы; в диссертации лучше сосредоточиться на более «приземленных», устроженных категориях. Кроме того, надо иметь в виду, что в литературе и искусстве советского периода (прежде всего, русской литературе) высокие и отвлеченные патриотические установки уравнивались «окопной правдой», демонстрировавшей не победные марши и ярко выразительные реляции, а подлинную историю простой, порой незаметной человеческой жизни в условиях судьбоносных, трагических перемен на фронте. Отсюда вопросы: существовали ли схожие линии изображения в башкирской литературе? нужно ли сводить аксиологические аспекты проблемы только к набору известных проявлений характера и поступков человека на войне (храбрость, отвага, терпение)? не было ли и другого восприятия реальности (страх, ужас, отвращение, усталость, боль)? и – самое главное – как это сочленяется с религиозно окрашенными идеалами мусульманской направленности? методологически применим ли религиозный язык описаний к башкирской советской литературе о войне?

Помимо темы войны, автор сосредоточивает свое внимание на текстах, раскрывающих тему человеческих отношений в башкирском обществе, тему женской судьбы (второй параграф главы). Так, автор приводит список не менее 20 произведений башкирской прозы, в названии которых фигурирует имя женщины / девушки (стр. 117–118).

Особый раздел главы (третий параграф) – о прозе Мустая Карима, классика башкирской литературы. Диссертантка разбирает его автобиографическую повесть «Долгое-долгое детство», написанную в 1970-е годы, прослеживая языковые средства обращения к миру мусульманской культуры, отмечая значимость храмового пространства в произведении, указывая на глубину разработки образа сельского священнослужителя. В аналогичном ракурсе разбору подвергаются и другие сочинения М. Карима. Эти разборы – чрезвычайно интересная часть диссертационного труда; заметно, что автор питает особую читательскую любовь к сочинениям М. Карима.

Укажем на один тезис, который показался нам в предложенной (категоричной) формулировке довольно спорным. На стр. 95 мы читаем: «Культурой можно называть лишь те произведения, которые несут в себе элементы гуманизма». Возможно, автор исходил в этом тезисе из материала башкирской литературы, однако специалисты по русской и западной могли бы привести иллюстрации, доказывающие, что «антигуманистические» описания, целиком ориентированные на приоритет эстетического или натуралистического элемента над этическим, не являются автоматически лежащими за пределами культуры как системы. Можно вспомнить русских декадентов Серебряного века с их нигилизмом, аморализмом, крайней пессимистичностью, культом самоценной красоты, доходившей до оправдания всякого порока, гламуром, устрашающей готикой, дионисийством, бесовщиной – все это в свое время возмущало представителей классического вектора русской культуры, ориентированной на верховенство нравственного начала. Однако надо помнить, что в конечном счете декаданс был и остается знаком-символом культуры на определенном витке ее развития, симптомом драматической рубежной эпохи. Называть декаданс не-культурой, вероятно, нельзя так же, как нельзя не-культурой именовать западноевропейский натурализм лишь потому, что описания этого идейно-эстетического направления отличались меньшей типизацией, отсутствием отчетливо выраженного идеала. Если следовать формулировке автора, то получится, что знаменитые слова В.В. Маяковского «Я люблю смотреть, как умирают дети» из стихотворения «Несколько слов обо мне» не относятся к области культурного, поскольку выражают радикальную антигуманистическую позицию, хотя их возникновение вызвано желанием эпатажить перед публикой (эпатаж как нарушение общепринятой нормы – черта контркультуры, то есть той части культуры, которая бунтует против навязанно дидактического понимания реальности). Конечно, этимологически «культура» есть нечто «возделанное», «упорядоченное», противоположное «натуре», «природе», «хаосу», «анархии», несущее смысл и, как следствие, нравственное «ядро». Но жизнь культурной системы показывает, что она сочетает в себе противопоставленные тенденции, этическое и эстетическое в ней часто «спорят», они не всегда находятся в состоянии стабильного равновесия, «гомеостаза». Вспомним и то, что у термина «культура» множество разных дефиниций в зависимости от признаков, положенных в основу того или иного определения.

Третья глава «Представители исламской религии в духовной культуре конца XX – начала XXI веков» затрагивает вопросы представленности деятелей мусульманской культуры в башкирской прозе конца XX – начала XXI века.

Первый параграф главы презентует образ Акмуллы в современной литературе. Диссертантка демонстрирует значимость этой фигуры в башкирском художественном дискурсе, поясняя, что процесс ее семиотизация касается всех сторон личности, от этически окрашенных поступков в реальной жизни до подробностей портрета, внешнего облика Акмуллы. На большом иллюстративно-литературном материале показана трансформация, если говорить языком М. М. Бахтина, биографического человека в образно-художественный знак с неизменно положительной оценкой его действий и помыслов. Отрадно, что на разбор образа Акмуллы диссертантка взяла повесть Ф. Янышева «Акмулла и Тукай», в которой была показана эволюция отношения Габдуллы Тукая, классика татарской литературы, к Акмулле: автор поэмы «Шурале», действительно, поначалу воспринимал его поэзию как проникнутую вольным духом кочевого казахского народа и далекую от казанско-татарской книжности, а затем изменил позицию, дав Акмулле самую высокую оценку. В этом плане резонно было бы задаться вопросом о том, рассматривалась ли и оценивалась ли как-то в башкирской художественно-биографической прозе многоэтничность Акмуллы, его принадлежность к поликультурной традиции? Ведь татары Акмуллу, как, например, и Шаехзадэ Бабича, воспринимают в качестве «своего» национального писателя: и Акмулла, и Бабич – такие же признанные авторы-классики татарской литературы (входят в школьную хрестоматию), как и башкирской.

Во втором параграфе главы автор анализирует образы мусульманских святых в творчестве Леры-Ахмат Яшибаевой. Этот раздел содержит много текстовых наблюдений, а также развернутые культурологические пассажи о святых, включенных в мусульманскую агиографическую литературу и ставших излюбленными персонажами башкирского фольклора. Пожалуй, было бы продуктивно дополнить содержание этой части разбором башкирских сакральных топосов, связанных с деятельностью святых дервишей-суфиев, сакцентировать внимание именно на священных локальных структурах (урочищах, горах, лесах, водоемах), составляющих любопытное явление культуры башкирского этнического мистицизма. Современная башкирская литература, разумеется, не могла обойти этого аспекта в описании суфийской святости, особенно если вспомнить важность, непреложность такой константы национальной башкирской модели мира, как трепетное отношение к земле, почитание ее отдельных топосов. Бесспорно, оно имело чисто практическую пользу, пересекаясь с необходимостью для каждого башкира помнить в тонкостях всю родословную, всю генеалогию своего племени, чтобы случавшиеся время от времени разделы кочевий (пастбищ) протекали в наиболее бесконфликтной, компромиссной форме. Вместе с тем суфийский элемент мусульманской культуры придавал башкирскому мироощущению новую глубину и новое измерение, ориентированное на почитание земли в мистическом, прагматическом значении, как модуса красоты, дарованной человеку Всевышним.

В последнем параграфе пятой главы о сакральном пространстве говорится (будем справедливы!). Однако суфийский вектор в его репрезентации, как думается, не отражен с достаточной степенью полноты, которая, помимо прочего, учитывала бы и автохтонные фольклорные мотивы, о которых писал, например, Ибн Фадлан в начале X века в записках о своей поездке по Среднему Поволжью (он был одним из первых, кто дал письменно-этнографическое описание башкирских племен).

Третий параграф главы продолжает второй. В нем рассматривается словесно-эстетический образ Зайнуллы Расулева, видного деятеля башкирской религиозной культуры.

Ч е т в е р т а я г л а в а «Герой в контексте религиозно-философских отношений» посвящена изучению персоналогии башкирской культуры в контексте религиозно-философских отношений.

Автор рассматривает взгляды и суждения Гайсы Хусаинова, известного башкирского литературоведа, выступившего одновременно в роли публициста и писателя мусульманской тематики (первый параграф). Затронуты в разборе также (второй параграф) тексты других выдающихся представителей современной башкирской литературы, совмещающих две ролевые позиции: ученых-филологов и художников-писателей (сейчас – очень распространенный случай, и не только в башкирской, но также в русской культуре). В этом смысле было бы любопытно понять, не находятся ли в конфронтации эти сферы творческого сознания: ведь то, о чем нельзя сказать в научном слове, можно фантазийно представить в художественном. Феномен связи профессионального филолога и «вольного» художника-писателя в одном лице теоретически перспективен, он может стать темой отдельного исследования.

Третий параграф главы рассматривает творчество Ф. Галимова, современного башкирского писателя, с точки зрения духовных исканий его героя.

П я т а я г л а в а «Художественное осмысление ценностной содержательности времени и пространства» ставит целью изучить хронотопическую структуру произведений башкирской прозы (в данном случае структуру, которая выражает духовно-нравственные поиски писателей).

Концентрированно, собранно о хронотопе пишется в последнем, третьем параграфе этой главы, в остальных же хронотоп соотносен либо с системой персонажей башкирской литературы (первый параграф), либо с представлением о бессмертной душе (второй параграф).

Диссертация интересна как по постановке проблемы (цели и задачи хорошо определены), так и по способам ее решения. Она производит весьма благоприятное впечатление. На анализ автор взял огромный разнородный художественно-литературный и научно-филологический материал, который был им кропотливо собран и аккуратно систематизирован. Автор владеет понятийно-терминологическим аппаратом, стиль изложения характеризуется ясностью, простотой, доступностью. Оформление текста диссертации соответствует нормативным требованиям. Публикаций автора по теме диссертационного сочинения достаточно, чтобы считать труд апробированным.

Работа диссертантки, в итоге, носит концептуальный, самостоятельный и завершённый характер. Выводы диссертации достоверны и обоснованы широким спектром литературоведческих аргументов.

Автореферат рецензируемой диссертации оформлен в соответствии с требованиями, предъявляемыми к такого рода жанрам научного творчества.

Вместе с тем, как любое исследование, данная работа вызывает некоторые вопросы. Для удобства сгруппируем их в три «узла».

В о – п е р в ы х, в каком соотношении в башкирской прозе означенного периода находятся религиозные и светские модели реальности? Правомерно говорить об их а) сосуществовании (исходя из того, что различными метаязыками они определяют универсальный базис человеческой культуры), б) конфликте, в) эволюции от одного к другому (от светской к религиозной картине мира)?

В о – в т о р ы х, в какой степени вообще для башкирского читателя важен эстетический тон произведения? Подлинная художественная литература, то есть относящаяся к разряду классических, – не банальная иллюстрация идей, не их зеркальное отражение, а сложно устроенное системно-комплексное единство, в котором собственно эстетический элемент занимает далеко не последнее место; он создает эмоциональную, душевную «ауру» текста, благодаря чему рецепция нравственных понятий оказывается по-настоящему возможным. Литература и искусство поучают, воспитывают, но делают они это не напрямую, а косвенно, опосредованно, через решение первостепенных чисто художественных задач.

В – т р е т ь и х, можно ли утверждать, что похожие векторы развития (мусульманские ценностные ориентиры) характеризуют башкирскую поэзию указанного периода?

Из р е к о м е н д а ц и й – п о ж е л а н и й рецензента: в списке использованной литературы нужен учет докторской диссертации современного татарского филолога-литературоведа Фарита Закизяновича Яхина «Религиозная мистика и мифология в татарской поэзии» (Казань, 2000, 272 стр., шифр специальности: 10.01.02 – татарская литература), а также его монографии «Татар шигъриятендә дини мистика һәм мифология» / рус. «Религиозная мистика и мифология в татарской лирике» (Казан: Татар дәүләт гуманитар институты, 2000. 268 б.) и других публикаций (статей, рецензий, текстологических штудий, учебников и учебных пособий) (см. интернет-страницу этого автора на сайте Академии наук Республики Татарстан, Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова: <https://www.antat.ru/ru/iyli/ob-institute/structure/sotrudniki/yakhinf.php>).

Ф.З. Яхин, между прочим, – один из исследователей творчества Мифтахетдина Акмуллы (Ф.З. Яхин – издатель произведений Акмуллы в обновленном текстологическом оформлении, его биограф и комментатор).

П р и м е ч а н и е. Кроме того, на наш субъективный взгляд, общее название работы могло быть: не «Исламская аксиология в башкирской прозе второй половины XX – начала XXI веков», а «Мусульманская аксиология в башкирской прозе второй половины XX – начала XXI веков». Безусловно, «ислам» и «мусульманство» – тождественные по смыслу слова и понятия, глубоко-

концептуальной разницы между ними нет. Однако есть инерция их употребления в русском тезаурусном пространстве: словосочетания типа «мусульманские ценности», «мусульманская аксиология» выглядят *стилистически* более устоявшимися, что, уточним, не служит поводом для признания словосочетания «исламские ценности», «исламская аксиология» неверными в корне. Если и употреблять слово «ислам», то по *стилистическому* обертону лучше в таком сочетании: «аксиология ислама» (соответственно «Аксиология ислама в башкирской прозе второй половины XX – начала XXI веков»).

Наши вопросы-замечания, тем не менее, не умаляют общей высокой оценки диссертационного исследования.

Диссертация представляет собой цельную научно-квалификационную работу, в которой содержится решение основной задачи анализа мусульманской аксиологии в башкирской прозе второй половины XX – начала XXI веков, имеющей весомое значение для истории башкирской национальной литературы, истории освоения религиозно-мифологических идей и образов в литературе, аксиологического аспекта изучения литературно-художественного процесса (теоретический план и эмпирический материал).

З а к л ю ч е н и е

Диссертация **Набиуллиной Гульнур Мирзаевны «Исламская аксиология в башкирской прозе второй половины XX – начала XXI веков»** выполнена в соответствии с требованиями п. 9–14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» ВАК, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24.09.2013 года (в действующей редакции), а ее автор, безусловно, заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки).

Официальный оппонент:

Бекметов Ринат Ферганович,

доктор филологических наук (10.01.01 – русская литература),

доцент, профессор кафедры русской литературы

и методики ее преподавания

Института филологии и межкультурной коммуникации

Казанского (Приволжского) федерального университета

20 августа 2024 года

Я, Бекметов Ринат Ферганович, даю согласие на включение моих персональных данных, содержащихся в отзыве, в документы, связанные с защитой указанной диссертации, и их дальнейшую обработку.

Информация об авторе отзыва и сведения об организации:

ФИО. Бекметов Ринат Ферганович.

Почтовый адрес (с индексом). 420021, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт филологии и межкультурной коммуникации, ул. Татарстана д. 2, кабинет № 318.

Телефон. 8(843)292-42-87, 8(843) 233-71-09, 8(843) 233-74-00.

E-mail. ifmk@kpfu.ru; public.mail@kpfu.ru; Rinat.Bekmetov@kpfu.ru.

Наименование места работы. Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Должность. Профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания.

С основными научными публикациями официального оппонента Бекметова Рината Фергановича можно ознакомиться на следующем сайте в сети Интернет: <https://kpfu.ru/Rinat.Bekmetov> (личная страница автора отзыва).

Отзыв официального оппонента заверяю:

